

DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6

УДК 314.3 | ББК 60.7

© Архангельский В.Н., Смирнов А.В.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И УРОВНЯ ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Москва, Российская Федерация

e-mail: archangelsky@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7091-9632](https://orcid.org/0000-0002-7091-9632); ResearcherID: [T-4845-2017](https://orcid.org/T-4845-2017)

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ СМИРНОВ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: sofetel@mail.ru

ORCID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); ResearcherID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021)

В статье рассматривается влияние ценностных ориентаций и уровня жизни населения на репродуктивные намерения по данным социологического опроса, проведенного в 2022 году в Тюменской области (без автономных округов). Структуры опрошенных по возрастным группам, уровню образования, состоянию в браке и числу рожденных детей (по возрастным группам) близки к тем, которые получены по результатам переписи населения 2020 года. Тюменская область отличается одним из наиболее высоких уровней рождаемости в России, причем, вероятно, не связанным с национальными особенностями населения. Целью исследования является анализ детерминации репродуктивного поведения в регионе России с относительно высоким уровнем рождаемости. Результаты исследования показали, что в молодых поколениях респондентов репродуктивные ориентации существенно ниже. Отчасти это, видимо, обусловлено тем, что значимость индивидуализма у молодежи преобладает по сравнению с браком и семьей.

Для цитирования: Архангельский В.Н., Смирнов А.В. (2023). Влияние ценностных ориентаций и уровня жизни в регионе на репродуктивные намерения (по результатам исследования в Тюменской области) // Проблемы развития территории. Т. 27. № 4. С. 93–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6

For citation: Arkhangelskii V.N., Smirnov A.V. (2023). Influence of value orientations and standard of living in the region on reproductive intentions (based on the results of a study in the Tyumen Oblast). *Problems of Territory's Development*, 27 (4), 93–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.6

Ценностные ориентации не только во многом детерминируют репродуктивные ориентации, но и определяют, как люди оценивают те или иные жизненные обстоятельства с точки зрения помех к рождению детей. Корректное изучение связи уровня жизни с репродуктивными ориентациями предполагает его дифференциацию по величине желаемого числа детей, влияющего на ожидаемое число детей существенно больше, чем уровень жизни. Если в отношении рождения второго ребенка примерно половина респондентов отметили то или иное влияние помощи от государства на принятие решения о рождении, то в отношении первого и третьего ребенка доля таковых значительно меньше. Однако среди тех, у кого первый ребенок родился в 2020–2022 гг. (когда начал предоставляться федеральный материнский (семейный) капитал при рождении первого ребенка), доля отметивших то или иное влияние помощи от государства составляет 60,2% у женщин и 37,7% у мужчин.

Репродуктивное поведение, ценностные ориентации, уровень жизни, Тюменская область.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-411-720005 Тюменская область «Демографическая динамика и совершенствование региональной демографической политики Тюменской области».

Введение

Анализ репродуктивного поведения и его детерминации необходим для понимания механизмов, определяющих уровень и динамику показателей рождаемости. Он важен при разработке прогнозов рождаемости и особенно для определения потенциально результативных мер политики, ориентированных на повышение рождаемости, оценки действенности реализующихся мер.

Тюменская область (в исследовании речь идет о южной части области, т. е. без автономных округов) в отношении изучения рождаемости и репродуктивного поведения представляет особый интерес. В 2021 году она занимала 9 место в России по величине суммарного коэффициента рождаемости (1,784; в целом по стране – 1,505) и второе место (после Сахалинской области) среди не национальных административно-территориальных образований. Это дает основания некоторым исследователям относить ее к регионам с переходной моделью рождаемости (Смулянская, 2017).

Исследование базируется на результатах социологического опроса, проведенного в Тюменской области в мае – июне 2022 года. Перепись населения 2020 года позволила не только проанализировать показатели рождаемости в реальных поколениях, но и оценить степень близости структуры опрошен-

ных к составу населения Тюменской области по полу, возрасту, уровню образования и состоянию в браке. Более того, ее данные позволили сопоставить для выборочной и генеральной совокупности средние числа рожденных детей для одних и тех же поколений женщин.

Целью исследования является анализ детерминации репродуктивного поведения в регионе России с относительно высоким уровнем рождаемости (в отличие от ряда других субъектов Российской Федерации со сравнительно высокой рождаемостью, вероятно, не связанной с национальными особенностями населения).

В соответствии с целью исследования определены его основные задачи: оценить влияние ценностных ориентаций на репродуктивные намерения в гендерном и поколенческом разрезе и на восприятие респондентами тех или иных жизненных обстоятельств как помех к рождению детей; проанализировать взаимосвязь уровня жизни и репродуктивных намерений, оценить его влияние на них; оценить влияние помощи семьям с детьми на репродуктивное поведение жителей Тюменской области.

Научная новизна исследования состоит в оценке детерминации репродуктивного поведения в регионе с одним из самых высоких

суммарных коэффициентов рождаемости, что (в отличие от большинства других российских регионов с относительно высоким уровнем рождаемости) не связано с особенностями национального состава населения и его вероисповедания.

В рамках статьи основное внимание уделяется вопросам влияния ценностных ориентаций и уровня жизни на репродуктивные намерения населения.

Особую роль ценностей в детерминации репродуктивного поведения отмечают Л.А. Беляева и М.А. Беляева (Беляева, 2009; Беляева, Беляева, 2011). Существенное влияние ценностных ориентаций на детность семьи, ее репродуктивное поведение показывают исследования О.Н. Калачиковой (Калачикова, 2012), В.М. Карповой (Карпова, 2016), О.В. Кучмаевой, О.А. Золотаревой и С.Б. Гуляева (Кучмаева и др., 2021), М.А. Ласточкиной (Ласточкина, 2007), Л.Р. Муртазиной и А.В. Фроловой (Murtazina, Frolova, 2016).

Одним из наиболее углубленных исследований влияния ценностных ориентаций на трансформацию репродуктивного поведения является работа D. van de Kaa (Van de Kaa, 2001). Весомое влияние значимости различных ценностей на репродуктивное поведение молодежи показывают результаты исследования, проведенного в Сербии (Pešić Jenačković, Marković Krstić, 2021). Существенная ценностная детерминация репродуктивного поведения подтверждается и результатами исследований в США (McQuillan et al., 2008; McQuillan et al., 2015).

Ценностные ориентации не только в значительной мере детерминируют репродуктивные ориентации, но и отчасти определяют оценку тех или иных жизненных обстоятельств с точки зрения помех к рождению детей.

Ценности являются одним из ключевых факторов дифференциации рождаемости и репродуктивного поведения по тем или иным социальным характеристикам населения, например образованию (Коротаев и др., 2020).

Уровень жизни традиционно рассматривается как один из важных факторов репро-

дуктивного поведения. Среди публикаций последних лет можно выделить, например, работу Е.В. Кабашовой (Кабашова, 2021). Отметим также более раннюю работу Т.Н. Грудина, в которой анализируются различные подходы к оценке взаимосвязи числа детей в семье и уровня жизни (Грудина, 2018).

Как правило, выявляется парадоксальный феномен – при более высоком уровне жизни имеют место более низкие репродуктивные ориентации. При этом зачастую упускается из виду, что уровень жизни влияет главным образом на то или иное восприятие условий для рождения желаемого числа детей. Следовательно, корректно оценивать это влияние, элиминируя различия в потребности в детях. А главное, трактовка взаимосвязи уровня жизни с числом детей, репродуктивными ориентациями (включающими уже имеющихся детей) как его влияния на репродуктивное поведение, вероятно, не вполне справедлива. Скорее, в большей мере уровень жизни зависит от числа детей. И тогда нет парадоксальности. Более подробно этот вопрос рассмотрен нами ранее (Сивоплясова и др., 2022). Многие исследования показывают, что при большем числе детей среднедушевые доходы в семьях, а следовательно, уровень жизни, ниже (Сукнева и др., 2020). Ухудшение материального положения семьи при появлении ребенка отмечается не только применительно к российским семьям. Среди зарубежных работ, посвященных оценке снижения уровня жизни в семьях после рождения детей, отметим исследования, проведенные в Греции, Испании, Италии и Португалии (Matsaganis et al., 2006).

Информационная база исследования

Социологический опрос был проведен в мае – июне 2022 года в Тюменской области (без автономных округов). Опрошено 1543 человека в возрасте 17–44 лет, в т. ч. 788 женщин (51,1%) и 755 мужчин (48,9%).

Возрастной состав опрошенных близок к возрастному составу населения Тюменской области на начало 2022 года (табл. 1).

Таблица 1. Распределение опрошенных и населения Тюменской области по возрасту, % к численности населения соответствующего пола в возрасте 17–44 лет*

Возраст, лет	Опрошенные			Население на начало 2022 года (без учета данных переписи населения 2020 года)		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
17–19	4,4	3,7	5,2	8,0	8,0	8,0
20–24	13,2	11,9	14,4	11,6	11,8	11,5
25–29	18,3	18,8	17,9	14,5	13,9	15,1
30–34	26,4	26,8	26,1	23,4	23,2	23,6
35–39	20,8	22,3	19,2	23,8	24,0	23,7
40–44	16,9	16,5	17,2	18,6	19,2	18,1

* Здесь и далее % по результатам социологического опроса рассчитаны от числа ответивших на соответствующий вопрос.
Рассчитано по: данные Росстата; данные социологического опроса.

Таблица 2. Распределение опрошенных и населения Тюменской области (без автономных округов) по уровню образования, % к численности населения соответствующего пола в возрасте 17–44 лет

Уровень образования	Опрошенные			По данным переписи населения 2020 года*		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
Начальное общее (начальное) и ниже	0,5	0,5	0,5	1,0	1,1	1,0
Основное общее (неполное среднее)	5,6	5,6	5,7	6,8	5,6	8,0
Среднее (полное) общее	16,9	16,1	17,6	18,7	17,3	20,1
Среднее профессиональное	39,1	38,2	40,2	36,3	32,7	40,0
Неполное высшее	5,6	5,3	5,8	2,7	2,5	3,0
Высшее профессиональное	31,7	33,8	29,5	33,0	39,1	26,6
Послевузовское профессиональное	0,6	0,5	0,7	1,5	1,7	1,3

* Население возрастной группы 18–44 лет.
Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 3. Образование. Табл. 1. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; данные социологического опроса.

Почти половина (47,2%) опрошенных – люди в возрасте 30–39 лет. Точно такая же доля населения этого возраста отмечена среди 17–44-летних жителей Тюменской области на начало 2022 года. Среди опрошенных несколько ниже (чем в составе населения в целом на начало 2022 года) доля 17–19 и 40–44-летних и, наоборот, несколько выше доля 20–29-летних (31,5 и 26,1% соответственно).

Одной из важнейших характеристик населения, существенно дифференцирующих демографическое поведение, является уровень образования. Распределение опрошенных по уровню образования очень схоже с тем, которое показала для 18–44-летних перепись населения 2020 года (табл. 2).

По доле населения со средним (полным) общим образованием разница между опрошенными и жителями области, учтенными

при переписи населения 2020 года, составляет 1,8 процентных пункта, средним профессиональным образованием – 2,8 п. п., высшим и послевузовским – 2,2 п. п. Несколько увеличиваются эти различия в образовательной структуре при рассмотрении отдельно женщин и мужчин. Прежде всего это относится к женщинам: по доле имеющих среднее профессиональное образование разница составляет 5,5 п. п., высшее и послевузовское – 6,5 п. п. (см. табл. 2). Отметим, что на момент определения параметров выборочной совокупности опрошенных данные переписи населения о распределении по возрасту и уровню образования на сайте Росстата отсутствовали, следовательно, они не могли быть учтены.

Структура опрошенных по брачному состоянию близка к той, которая имела место у населения Тюменской области по данным переписи населения 2020 года (табл. 3).

Таблица 3. Распределение опрошенных и населения Тюменской области (без автономных округов) по брачному состоянию, % к численности населения соответствующего пола в возрасте 17–44 года

Брачное состояние	Опрошенные			По данным переписи населения 2020 года*		
	оба пола	женщины	мужчины	оба пола	женщины	мужчины
Состоящие в зарегистрированном браке	51,8	51,8	51,7	54,1	55,5	52,6
Состоящие в незарегистрированном браке	10,9	9,6	12,2	6,8	6,9	6,7
Вдовы	1,4	1,9	0,8	0,7	1,1	0,3
Разведенные	12,4	15,1	9,7	9,9	12,1	7,5
Никогда не состоявшие в браке	23,5	21,6	25,6	28,5	24,4	32,9

* Население возрастной группы 18–44 лет.
 Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; данные социологического опроса

Таблица 4. Показатели рождаемости в реальных поколениях женщин в Тюменской области и в целом по России

Возраст, лет	Тюменская область				Россия			
	среднее число рожденных детей	среднее число первых рождений	доля родивших второго ребенка среди родивших первого, %	доля родивших третьего ребенка среди родивших второго, %	среднее число рожденных детей	среднее число первых рождений	доля родивших второго ребенка среди родивших первого, %	доля родивших третьего ребенка среди родивших второго, %
20–24	0,34	0,25	28,2	17,2	0,31	0,23	27,8	17,1
25–29	0,99	0,62	44,9	24,5	0,90	0,58	42,8	23,9
30–34	1,52	0,83	60,7	28,3	1,37	0,78	55,9	26,9
35–39	1,77	0,89	67,9	32,0	1,61	0,86	62,2	29,7
40–44	1,81	0,91	67,1	32,8	1,66	0,89	60,6	29,8
45–49	1,72	0,92	62,5	27,4	1,60	0,90	56,4	26,1
50–54	1,69	0,93	61,6	24,5	1,60	0,91	56,1	23,7
55–59	1,78	0,93	68,2	24,1	1,68	0,92	61,9	22,9
60–64	1,91	0,94	74,3	28,3	1,77	0,93	67,2	24,4
65–69	1,97	0,94	75,1	31,5	1,80	0,93	67,7	25,7
70 и более	2,05	0,94	73,8	35,2	1,84	0,93	66,3	29,1

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9. Рождаемость. Табл. 1. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Структура опрошенных по таким социально-демографическим характеристикам, как пол, возраст, уровень образования и состояние в браке, очень близка к структуре населения Тюменской области по этим параметрам, что дает основания говорить о репрезентативности полученных данных социологического опроса.

Рождаемость в реальных поколениях в Тюменской области

В Тюменской области относительно более высокий уровень рождаемости находит отражение не только в более высоких кален-

дарных показателях, но и в показателях для реальных поколений (табл. 4).

В рамках статьи важно отметить сопоставимость показателей рождаемости именно для реальных поколений с репродуктивными ориентациями по данным социологических исследований, так как их характеристики также рассчитываются для реальных поколений.

Отличие Тюменской области по показателю рождаемости от ситуации в целом по России в реальных поколениях женщин несколько меньше, чем по суммарному коэффициенту рождаемости, однако оно весь-

ма существенное. Разница в среднем числе рожденных детей сокращалась в поколениях, в которых происходило снижение этого показателя: у женщин, которым в 2020 году было 70 лет и более, в Тюменской области показатель выше, чем в целом по России, на 0,21; у 65–69-летних – на 0,17; у 60–64-летних – на 0,14; у 55–59-летних – на 0,10; у 50–54-летних – на 0,09. Т. е. межпоколенческое снижение показателей рождаемости в Тюменской области было более существенным, чем в целом по России.

В более молодых поколениях среднее число рожденных детей повышается; в Тюменской области – с поколения женщин, которым в 2020 году было 45–49 лет. Как снижение, так и повышение среднего числа рожденных детей в более молодых поколениях в Тюменской области более существенное, чем в целом по России. В результате, если у 50–54-летних женщин разница в величине этого показателя составляет 0,09, то у 45–49-летних – 0,12, у 40–44-летних – 0,15, у 35–39-летних – 0,16.

Разница в среднем числе первых рождений невелика. У женщин, которым в 2020 году было 55 лет и более, в Тюменской области этот показатель на 0,01 больше, чем в целом по России. В более молодых поколениях эта разница немного возрастает и у 40–54-летних составляет 0,02. У более молодых женщин она еще несколько больше: 35–39 лет – 0,03; 30–34 года – 0,05; 25–29 лет – 0,04. На эти различия могло бы влиять несколько более раннее рождение первых детей в Тюменской области. Однако даже если такая ситуация имеет ли это место, влияние этого фактора вряд ли значительно. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в Тюменской области (в 2021 году 25,71 года) несколько ниже, чем в целом по России (26,03 года). Но данные переписи населения 2020 года показали, что доля родивших первого ребенка в возрасте до 25 лет в Тюменской области немного меньше, чем в целом по России: среди 35–39-летних – соответственно 54,0 и 56,4%; среди

30–34-летних – 57,4 и 59,4%. Доля родивших первого ребенка в возрасте до 30 лет в Тюменской области (85,7% среди 35–39-летних и 91,8% среди 30–34-летних) также немного меньше, чем в целом по России (соответственно 85,8 и 92,1%)¹.

При анализе уровня и поколенческих изменений показателей рождаемости по вторым и третьим рождениям представляется не вполне корректным использовать показатель среднего числа рождений, так как он зависит от среднего числа рождений предыдущей очередности. Более корректно применять показатели доли родивших второго и третьего ребенка среди родивших, соответственно, первого и второго ребенка.

Если среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка) в молодых поколениях снижается, то доля родивших второго ребенка среди родивших первого после значительного поколенческого снижения (с 75,1% у 65–69-летних женщин до 61,6% у 50–54-летних) повышается до 67,9% у 35–39-летних (до конца репродуктивного возраста этот показатель у них еще повысится). Доля родивших второго ребенка среди родивших первого в Тюменской области во всех поколениях выше, чем в целом по России. У женщин старше 60 лет разница превышает 7 п. п., минимальная она у 50–54-летних (5,5 п. п.), несколько возрастает у 45–49-летних (6,1 п. п.) и 40–44-летних (6,5 п. п.).

Различия в доле родивших третьего ребенка среди родивших второго между Тюменской областью и Россией в целом сокращались с 6,1 п. п. у женщин, которым на момент переписи населения 2020 года было 70 лет и более, до 0,8 п. п. у 50–54-летних. Но в более молодых поколениях, у которых повышается доля родивших третьего ребенка среди родивших второго, разница в величине этого показателя между Тюменской областью и Россией в целом снова возрастает: 45–49 лет – 1,3 п. п.; 40–44 года – 3,0 п. п. (см. табл. 4).

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9. Рождаемость. Табл. 4. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Репродуктивные ориентации

В дополнение к характеристикам выборочной совокупности респондентов можно сравнить среднее число рожденных детей в поколениях женщин по данным социологического опроса и переписи населения 2020 года (табл. 5).

У женщин в возрастном интервале 25–39 лет среднее число рожденных детей почти совпадает по данным социологического опроса и переписи населения 2020 года. У 40–44-летних респонденток этот показатель выше, чем по данным переписи населения 2020 года, на 0,14. Только в отношении 20–24-летних женщин можно говорить об очень существенной разнице среднего числа рожденных детей.

36,3% опрошенных женщин и 33,9% мужчин желаемым числом детей назвали двоих детей. Женщин, желающих иметь троих детей (24,9%), больше, чем тех, кто хотел бы иметь одного ребенка (15,0%), а мужчины, наоборот, в качестве желаемого числа детей одного (23,2%) отмечали чаще, чем троих (18,4%). Даже при наличии всех необходимых условий 10,5% женщин и 13,6% мужчин не хотели бы иметь ни одного ребенка. Среднее желаемое число детей² составило 2,10 у женщин и 1,83 у мужчин.

В качестве ожидаемого числа детей³ респонденты чаще всего отмечали одного ребенка (36,4% женщин и 39,1% мужчин). Двоих детей хотели бы иметь 31,3% женщин и 27,7% мужчин, троих – соответственно 13,8 и 9,5%. Ни одного ребенка не собираются иметь 12,8% опрошенных женщин и каждый пятый (20,0%) мужчина. Среднее ожидаемое число детей составило 1,62 у женщин и 1,39 у мужчин.

Среднее желаемое и среднее ожидаемое число детей снижаются в более молодых поколениях (табл. 6).

У женщин как среднее желаемое, так и среднее ожидаемое число детей мало различаются в поколениях, родившихся до

1980 года и в 1980–1984 гг. В поколениях 1985–1989 и 1990–1994 гг. рождения они также различаются незначительно, но существенно ниже, чем у более старших женщин. Намного ниже они у женщин 1995–1999 гг. рождения. Среднее желаемое число детей у них на 0,5 меньше, чем у женщин 1990–1994 гг. рождения. Еще ниже среднее желаемое и ожидаемое числа детей у респонденток, родившихся в начале 2000-х гг. По сравнению с женщинами 1980–1984 гг. рождения среднее желаемое число детей у них меньше на 0,99, а ожидаемое – на 1,12.

У мужчин среднее желаемое и ожидаемое числа детей мало различаются в поколениях конца 1970-х и 1980-х гг. рождения. Несколько меньше они у родившихся в 1990–1994 гг. Еще значительно ниже среднее желаемое и ожидаемое числа у мужчин начала 2000-х гг. рождения. По сравнению с поколением 1980–1984 гг. рождения среднее желаемое число детей у них меньше на 0,89, а ожидаемое – на 0,82.

У опрошенных женщин и мужчин, родившихся в начале 2000-х гг., среднее ожидаемое число детей меньше 1,0.

Нельзя однозначно сказать, носят ли эти различия возрастной или поколенческий характер. Если возрастной, то у молодых респондентов с низкими репродуктивными ориентациями можно в будущем ожидать их некоторого повышения. Более вероятным представляется, что различия носят поколенческий характер и тогда они сохранятся при переходе респондентов в более старшие возрастные группы.

На такие различия в репродуктивных ориентациях, вероятно, влияют ценностные ориентации, прежде всего соотношение значимости семьи, брака и индивидуализма (табл. 7). Значимость различных ценностей оценивалась по 5-балльной шкале, что, во-первых, делает оценку независимой от порядка расположения ценностей в анкете (в отличие от, например, выбора наиболее значимых), во-вторых, позволяет оценивать

² По ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?».

³ По ответам на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?».

Таблица 5. Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин в Тюменской области

Возраст, лет	Опрошенные женщины	По данным переписи населения 2020 года
20–24	0,70	0,34
25–29	0,97	0,99
30–34	1,45	1,52
35–39	1,77	1,77
40–44	1,95	1,81

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9. Рождаемость. Табл. 1. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul; данные социологического опроса.

Таблица 6. Среднее желаемое и среднее ожидаемое число детей в поколениях респондентов

Год рождения	Женщины		Мужчины	
	желаемое число детей	ожидаемое число детей	желаемое число детей	ожидаемое число детей
До 1980	2,48	2,11	2,02	1,63
1980–1984	2,41	2,07	2,14	1,61
1985–1989	2,18	1,66	2,07	1,56
1990–1994	2,16	1,60	1,80	1,39
1995–1999	1,66	1,20	1,50	1,19
2000 и позже	1,42	0,95	1,25	0,79

Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 7. Значимость ценностей брака и индивидуализма в поколениях респондентов, средний балл по 5-балльной шкале

Год рождения	Женщины			Мужчины		
	ценности		разница в значимости ценностей	ценности		разница в значимости ценностей
	жить в зарегистрированном браке	быть свободной независимой, делать то, что хочу только я		жить в зарегистрированном браке	быть свободным, независимым, делать то, что хочу только я	
до 1980	3,73	3,02	0,71	3,44	2,70	0,74
1980–1984	3,58	3,45	0,13	3,53	3,37	0,16
1985–1989	3,59	3,72	-0,13	3,11	3,75	-0,64
1990–1994	3,57	4,04	-0,47	3,08	3,53	-0,45
1995–1999	2,66	4,78	-2,12	2,33	3,38	-1,05
2000 и позже	3,00	4,57	-1,57	1,63	4,51	-2,88

Рассчитано по: данные социологического опроса.

разницу в значимости ценностей в числовом выражении.

У респондентов, родившихся до 1980 года, значимость ценности зарегистрированного брака в среднем значительно выше значимости свободы и независимости. У родившихся в 1980–1984 гг. различия в их значимости существенно меньше.

В более молодых поколениях, наоборот, свобода и независимость в среднем важнее зарегистрированного брака. Особенно за-

метна разница в значимости между ними у родившихся в 1995 году и позже: у женщин 1995–1999 гг. рождения она превышает в среднем 2 балла (по 5-балльной шкале), а у мужчин 2000 года рождения и моложе составляет почти 3 балла (см. табл. 7).

В данном социологическом исследовании были выделены две крайние группы респондентов: ориентированных на семью и ориентированных на индивидуальные ценности. В первую группу включены те, кто

оценил на 5 баллов значимость жизни в зарегистрированном браке и на 1 балл значимость свободы и независимости. Во вторую группу, наоборот, попали те, кто оценил на 5 баллов значимость свободы и независимости и на 1 балл значимость жизни в зарегистрированном браке. Среди вошедших в две эти крайние группы респондентов, родившихся до 1985 года, доля ориентированных на семью составляет 66,7% у женщин и 44,4% у мужчин, в 1985–1994 гг. – соответственно 25,0 и 11,8%. Среди респондентов 1995 года рождения и моложе ни одна женщина не попала в выделенную таким образом группу ориентированных на семью (32 человека в группе ориентированных на индивидуальные ценности). Среди мужчин этих поколений в группу ориентированных на семью попал только 1 человек, а ориентированных на индивидуальные ценности – 31.

Вероятно, такие различия в ценностных ориентациях влияют на возрастные различия в желаемом и ожидаемом числе детей. Из-за сравнительно небольших совокупностей этих выделенных групп респондентов по возрасту прямой оценки такого влияния сделать по результатам исследования нельзя, но отметим, что в целом по всем возрастным группам средние желаемое и ожидаемое числа детей у ориентированных на семью значительно выше, чем у ориентированных на индивидуальные ценности. В группе ориентированных на семью среднее ожидаемое число детей составляет 3,88 у женщин и 2,86 у мужчин, а в группе ориентированных на индивидуальные ценности – соответственно 1,17 и 1,04. Среднее желаемое число детей у ориентированных на семью составляет 4,00 у женщин и 3,29 у мужчин, а у ориентированных на индивидуальные ценности – соответственно 1,60 и 1,40.

В контексте отмеченных возрастных (поколенческих) различий в репродуктивных ориентациях упомянем работу Т.С. Карабчук и А.П. Кечетовой на основе межстрановых сравнений, в которой сделан следующий вывод: «женщины младшего возраста в Европе более чувствительны к влиянию ценностных установок, тогда как для женщин старше-

го возраста, скорее всего, определяющими были экономические факторы. Аналогично и важность семьи и детей связана с большим количеством детей у женщины. Высокий индекс репродуктивных ценностей «обязанность перед обществом – родить ребенка» увеличивает количество детей у женщин. Свобода в принятии решения о создании семьи снижает вероятность иметь большее число детей для женщин всех возрастов» (Карабчук, Кечетова, 2017).

Влияние высокой значимости индивидуальных ценностей на низкие репродуктивные ориентации и даже отказ от рождения детей вообще отмечает Е.И. Захарова: «Наибольший вклад в решение о сознательной бездетности внесло желание получить удовольствие от жизни, не испытывая необходимости жертвовать временем и свободой ради другого человека» (Захарова, 2015). На связь значимости личной свободы и отказа от рождения детей указывает коллектив авторов из Казанского федерального университета (Вильданова и др., 2017). По данным исследования Д.А. Котова и Н.В. Грек, среди выделенных кластеров респондентов для «индивидуалистов» и особенно для «партнеров» характерно сочетание существенной доли не планирующих иметь детей с высокой значимостью «наличия свободного времени для своих увлечений» (Котов, Грек, 2020).

Соотношение значимости тех или иных ценностей влияет не только на желаемое и ожидаемое число детей, но и на оценку тех или иных жизненных обстоятельств с точки зрения помех к рождению детей.

Помехи к рождению желаемого числа детей

Среди причин, очень мешающих иметь желаемое число детей, женщины чаще всего называли неуверенность в завтрашнем дне (30,3%). Однако, если учитывать и ответ «мешает» (26,5%), то как мешающую или очень мешающую причину они практически в равной мере отмечали неуверенность в завтрашнем дне и материальные трудности (очень мешает – 27,4%, мешает – 30,3%). Мужчины говорили о том, что материальные

трудности мешают рождению детей (очень мешает – 27,2%, мешает – 26,0%) почти столь же часто, как и женщины, а неуверенность в завтрашнем дне – существенно реже (очень мешает – 20,1%, мешает – 22,1%).

Значительно реже женщин мужчины в качестве помехи к рождению желаемого числа детей отмечали стремление интереснее проводить досуг (очень мешает – 11,8%, мешает – 19,3%). Женщины эту причину как мешающую (28,4%) или очень мешающую (25,0%) иметь желаемое число детей называли даже несколько чаще, чем причины, связанные с профессиональной деятельностью (стремление достичь успехов в работе (очень мешает – 24,5%, мешает – 24,1%) и большая занятость по работе (очень мешает – 23,9%, мешает – 23,2%)) и жилищные трудности (очень мешает – 22,8%, мешает – 26,5%).

На восприятие тех или иных жизненных обстоятельств как помех к рождению желаемого числа детей может влиять соотношение значимости этих обстоятельств и желаемого числа детей. С.В. Щепотьева отмечает, что «высота ценностных ориентаций в средних классах определяет оценку условий жизни как препятствующих полному удовлетворению имеющейся потребности в детях» (Щепотьева, 2010).

Значимость материального благополучия в среднем намного выше, чем наличия не менее трех детей. Но у тех женщин, кто ответил, что материальные трудности очень мешают иметь желаемых троих детей, разница в среднем балле значимости между ними (2,62) существенно больше, чем у тех,

кому они мешают, но не очень (2,25), или не мешают (2,36). Еще большие значимые различия в значимости этих ценностей наблюдаются у мужчин, которые хотели бы иметь троих детей: материальные трудности очень мешают – 1,94; мешают – 1,61; не мешают – 1,00 (табл. 8).

У мужчин, которые хотели бы при всех необходимых условиях иметь одного ребенка, при оценке стремления интереснее проводить досуг как очень мешающей или мешающей причины значимость интересного проведения досуга выше значимости наличия ребенка (соответственно на 0,21 и 0,25), а у тех, кто отметил отсутствие этой помехи, наоборот, в среднем выше оценка значимости ребенка (на 0,23; табл. 9). У мужчин с желаемым числом детей 2 значимость интересного проведения досуга в среднем выше, чем наличия не менее двух детей. Но у тех, кто считает, что стремление интереснее проводить досуг очень мешает иметь желаемое число детей, разница в средних баллах составляет 1,15, мешает – 0,98, не мешает – 0,09. У женщин, которые хотели бы иметь троих детей и которым стремление интереснее проводить досуг очень мешает иметь их, разница в среднем балле значимости интересного проведения досуга и наличия не менее трех детей составляет 1,47; у тех, кому эта причина мешает – 1,79; не мешает – 1,02.

У женщин, которые хотели бы иметь одного ребенка, но оценивают стремление достичь успехов в работе как очень мешающее его рождению, разница в среднем балле значимости наличия ребенка и профессиональ-

Таблица 8. Значимость троих детей и материального благополучия при различной оценке материальных трудностей как помехи к рождению желаемых троих детей, средний балл по 5-балльной шкале

Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то что и в какой степени мешает Вам иметь желаемое число детей? – Материальные трудности	Женщины			Мужчины		
	ценности		разница в среднем балле оценки значимости ценностей	ценности		разница в среднем балле оценки значимости ценностей
	иметь не менее трех детей	материальное благополучие семьи		иметь не менее трех детей	материальное благополучие семьи	
Очень мешает	2,34	4,96	-2,62	2,46	4,40	-1,94
Мешает	2,73	4,98	-2,25	2,71	4,32	-1,61
Не мешает	2,64	5,00	-2,36	3,28	4,28	-1,00

Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 9. Значимость детей и интересного проведения досуга при различной оценке стремления интереснее проводить досуг как помехи к рождению желаемого числа детей, средний балл по 5-балльной шкале

Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то что и в какой степени мешает Вам иметь желаемое число детей? – Стремление интереснее проводить досуг	Ценности		Разница в среднем балле оценки значимости ценностей
	иметь ребенка / иметь не менее двух детей / иметь не менее трех детей*	интересно проводить досуг	
Мужчины с желаемым числом детей 1			
Очень мешает	3,68	3,89	-0,21
Мешает	3,97	4,22	-0,25
Не мешает	3,96	3,73	0,23
Мужчины с желаемым числом детей 2			
Очень мешает	2,78	3,93	-1,15
Мешает	2,86	3,84	-0,98
Не мешает	3,39	3,48	-0,09
Женщины с желаемым числом детей 3			
Очень мешает	2,82	4,29	-1,47
Мешает	2,37	4,16	-1,79
Не мешает	3,13	4,15	-1,02

* Соответственно при желаемом числе детей 1, 2 и 3.
 Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 10. Значимость ребенка и профессионального роста при различной оценке стремления достичь успехов в работе как помехи к рождению желаемого одного ребенка у женщин, средний балл по 5-балльной шкале

Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то что и в какой степени мешает Вам иметь желаемое число детей? – Стремление достичь успехов в работе	Ценности		Разница в среднем балле оценки значимости ценностей
	иметь ребенка	профессиональный рост	
Очень мешает	3,76	2,61	1,15
Мешает	4,25	2,50	1,75
Не мешает	4,18	2,41	1,77

Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 11. Значимость ребенка и профессионального роста при различной оценке большой занятости на работе как помехи к рождению желаемого одного ребенка у мужчин, средний балл по 5-балльной шкале

Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то что и в какой степени мешает Вам иметь желаемое число детей? – Большая занятость на работе	Ценности		Разница в среднем балле оценки значимости ценностей
	иметь ребенка	профессиональный рост	
Очень мешает	3,65	4,21	-0,56
Мешает	3,80	4,30	-0,50
Не мешает	4,00	4,22	-0,22

Рассчитано по: данные социологического опроса.

ного роста составляет 1,15. У тех, кто дал ответ «мешает» или «не мешает», перевес в значимости ценности ребенка более существенный (соответственно, 1,75 и 1,77; табл. 10).

В отличие от женщин для мужчин, по данным опроса, профессиональный рост бо-

лее значим, чем наличие ребенка. Но если у тех, кому большая занятость на работе очень мешает или мешает иметь желаемого ребенка, разница в значимости этих ценностей составляет, соответственно, 0,56 и 0,50, то у тех, кому она не мешает – 0,22 (табл. 11).

Уровень жизни и репродуктивные ориентации

На реализацию репродуктивных намерений влияют уровень и условия жизни.

По результатам опроса, имеет место, казалось бы, совершенно парадоксальная ярко выраженная обратная связь между среднедушевым доходом и репродуктивными ориентациями – при более низком доходе существенно выше в среднем как желаемое, так и ожидаемое число детей (табл. 12).

Исследования показывают, что в своем репродуктивном поведении люди исходят не только и не столько из объективных характеристик уровня жизни (например, среднедушевой доход), сколько из его восприятия, его субъективной оценки (Архангельский и др., 2021).

В отличие от среднедушевого дохода между оценкой финансового положения семьи и средними желаемым и ожидаемым числами детей у женщин нет обратной связи, а у мужчин она выражена значительно слабее (табл. 13).

У женщин несколько меньшие средние желаемое и ожидаемое числа детей имеют место при оценке финансового положения семьи на 1–3 балла (по десятибалльной шкале). При средней (4–7 баллов) и высокой (8–10 баллов) оценке они практически одинаковые. У мужчин при более высокой оценке финансового положения желаемое и ожидаемое числа детей в среднем ниже, т. е. связь обратная. Разница в величине среднего желаемого числа детей при низкой и высокой оценке финансового положения составляет 0,19, среднего ожидаемого – 0,11.

Учитывая, что уровень жизни влияет прежде всего на реализацию потребности в детях (а не на саму потребность), целесообразно оценивать это влияние на ожидаемое число детей в группах респондентов с одинаковым желаемым числом детей.

Если в отношении женщин с желаемым числом детей, равным двум, можно говорить лишь о меньшем среднем ожидаемом числе детей при низкой оценке финансового положения, то у тех, кто хотел бы иметь троих детей, наблюдается прямая связь ожидаемо-

Таблица 12. Среднее желаемое и среднее ожидаемое число детей в группах по среднедушевому доходу

Среднедушевой доход	Женщины		Мужчины	
	желаемое число детей	ожидаемое число детей	желаемое число детей	ожидаемое число детей
До 15 тыс. руб.	2,52	2,08	2,23	1,86
От 15 до 30 тыс. руб.	2,35	1,84	2,11	1,63
От 30 до 45 тыс. руб.	1,92	1,52	1,84	1,40
От 45 до 60 тыс. руб.	1,71	1,05	1,79	1,31
От 60 до 75 тыс. руб.	1,03	0,72	0,81	0,37
От 75 до 90 тыс. руб.	0,82	0,58	0,86	0,60
Свыше 90 тыс. руб.	0,50	0,34	0,71	0,37

Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 13. Среднее желаемое и среднее ожидаемое число детей в группах по оценке финансового положения семьи

Оцените, пожалуйста, финансовое положение своей семьи по десятибалльной шкале	Женщины		Мужчины	
	желаемое число детей	ожидаемое число детей	желаемое число детей	ожидаемое число детей
1–3	2,04	1,52	1,93	1,44
4–7	2,13	1,68	1,82	1,39
8–10	2,12	1,68	1,74	1,33

Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 14. Среднее ожидаемое число детей в группах по желаемому числу детей и оценке финансового положения семьи

Оцените, пожалуйста, финансовое положение своей семьи по десятибалльной шкале	Женщины		Мужчины	
	желаемое число детей		желаемое число детей	
	2	3	2	3
1–3	1,47	2,18	1,53	2,19
4–7	1,59	2,27	1,45	2,16
8–10	1,55	2,39	1,44	2,50

Рассчитано по: данные социологического опроса.

Таблица 15. Оценка респондентами влияния помощи от государства на принятие решения о рождении младшего ребенка в зависимости от очередности рождения младшего ребенка, %

Очередность рождения младшего ребенка	Помогла ли Вам принять решение о рождении Вашего младшего ребенка возможность получения помощи от государства?							
	женщины				мужчины			
	помогла, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	не помогла	трудно сказать	помогла, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	не помогла	трудно сказать
Первый	17,5	2,4	77,4	2,7	9,1	1,4	87,0	2,5
Второй	39,9	9,6	42,9	7,6	38,8	12,7	39,6	9,0
Третий	7,1	1,2	90,5	1,2	9,1	3,0	84,8	3,0

Рассчитано по: данные социологического опроса.

го числа детей с оценкой финансового положения. У мужчин, которые хотели бы иметь троих детей, значительно большее ожидаемое число детей при высокой оценке финансового положения (табл. 14).

Важно отметить, что различия в среднем ожидаемом числе детей в зависимости от желаемого числа детей намного больше, чем от оценки финансового положения. Потребность в детях в несравненно большей мере детерминирует репродуктивные намерения, чем условия ее реализации.

Оценка влияния помощи семьям с детьми на репродуктивное поведение

Большинство респондентов (68,3% женщин и 73,5% мужчин) отрицают влияние получения помощи от государства на решение о рождении детей (в опросе это выяснялось в отношении младшего ребенка). В то же время 23,3% опрошенных женщин и 17,4%

мужчин отметили, что это помогло им и появился ребенок, рождение которого они откладывали, а 4,6% женщин и 4,8% мужчин – что это помогло принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить. Ответ «трудно сказать» дали 3,9% женщин и 4,3% мужчин.

Оценка влияния помощи от государства на принятие решения о рождении младшего ребенка зависит от очередности рождений (табл. 15). Это естественно, так как значительная часть реализуемых мер помощи семьям с детьми дифференцированы по числу детей в семье, очередности рождения ребенка.

Значительно чаще отмечали помощь в принятии решения о рождении ребенка те, у кого этот ребенок был вторым. Примерно половина респондентов с двумя детьми (т. е. второй младший) отметили то или иное влияние помощи от государства на принятие решения о рождении младшего (второго) ребенка: то, что эта помощь способство-

вала принятию решения о рождении ребенка, которое до этого откладывали, отметили 39,9% женщин и 38,8% мужчин; то, что она помогла принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить – соответственно 9,6 и 12,7%.

Реже отмечали возможность получения помощи от государства как способствующей принятию решения о рождении младшего ребенка те, у кого ребенок единственный. Если в отношении второго ребенка отсутствие влияния помощи государства на принятие решения о рождении младшего ребенка отметили 42,9% женщин и 39,6% мужчин, то в отношении первого – соответственно 77,4 и 87,0%. Одной из причин таких различий может быть то, что помощь в большей мере оказывалась при рождении второго или последующих детей (прежде всего федеральный материнский (семейный) капитал).

Помощь при рождении первого ребенка существенно возросла с 2020 года, когда федеральный материнский (семейный) капитал стал предоставляться и в случае рождения первого ребенка.

Различные меры помощи семьям с детьми вводились в разные годы. Например, федеральный материнский (семейный) капитал в случае рождения второго или последующего ребенка начал предоставляться с 2007 года, а в случае рождения первого ребенка – с 2020 года, в Тюменской области материнский семейный капитал при рождении третьего ребенка или последующих детей был утвержден Постановлением Правительства Тюменской области в конце 2011 года. В связи с этим более корректна оценка помощи предоставляемых мер при принятии решения о рождении ребенка дифференцированно по годам рождения (табл. 16).

Таблица 16. Оценка респондентами влияния помощи от государства на принятие решения о рождении младшего ребенка в зависимости от очередности и года рождения младшего ребенка, %

Год рождения младшего ребенка	Помогла ли Вам принять решение о рождении Вашего младшего ребенка возможность получения помощи от государства?							
	женщины				мужчины			
	помогла, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	не помогла	трудно сказать	помогла, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	не помогла	трудно сказать
Первый								
до 2006	–	–	100,0	–	–	–	100,0	–
2007–2011	–	–	100,0	–	–	–	100,0	–
2012–2019	–	–	100,0	–	–	–	100,0	–
2020–2022	53,1	7,1	31,6	8,2	32,5	5,2	53,2	9,1
Второй								
до 2006	–	–	100,0	–	–	11,1	88,9	–
2007–2011	30,0	20,0	43,3	6,7	22,7	9,1	63,7	4,5
2012–2019	58,1	10,8	21,6	9,5	38,7	14,5	37,1	9,7
2020–2022	61,0	12,2	14,6	12,2	56,1	12,2	19,5	12,2
Третий								
до 2006	–	–	100,0	–
2007–2011	46,2	–	46,2	7,6	33,3	11,1	55,6	–
2012–2019	–	–	100,0	–	–	–	91,7	8,3
2020–2022	–	3,8	96,2	–	–	–	100,0	–

* Показатель не приводится, так как рассчитан менее чем для 5 человек.
 Рассчитано по: данные социологического опроса.

Среди имеющих одного ребенка (т. е. младший ребенок первый) все респонденты, у которых он родился до 2020 года, ответили, что возможность получения помощи от государства не помогла им принять решение о рождении этого ребенка. Однако среди тех, у кого он родился в 2020–2022 гг., доля таковых составляет только 31,6% у женщин и 53,2% у мужчин. В то же время 53,1% женщин и 32,5% мужчин, у которых первый ребенок родился в 2020–2022 гг. (и больше детей пока нет), ответили, что помощь способствовала появлению ребенка, рождение которого до этого откладывали, а соответственно 7,1% и 5,2% – что без этой помощи не могли себе позволить рождение ребенка. Напомним, что с 2020 года федеральный материнский (семейный) капитал предоставляется в случае рождения первого ребенка.

В отношении второго ребенка все женщины, у которых он родился до 2006 года включительно, отметили, что государственная поддержка не помогла им в принятии решения о рождении ребенка. Среди тех, у кого второй ребенок младший и он родился в 2007–2011 гг., 50,0% женщин и 31,8% мужчин отметили ту или помощь в принятии решения о его рождении. Среди тех, у кого второй ребенок появился в 2012–2019 гг., такую помощь отметили 68,9% женщин и 53,2% мужчин, в 2020–2022 гг. – соответственно 73,2 и 68,3%.

В отношении третьего ребенка только те, у кого он родился в 2007–2011 гг., говорили о помощи в принятии решения о его рождении (46,2% женщин и 44,4% мужчин). Среди них все женщины и 3/4 мужчин отметили, что благодаря мерам помощи появился ребенок, рождение которого до этого откладывали. Женщины, у которых младший ребенок родился в 2007–2011 гг., в отношении третьего ребенка ту или иную помощь в принятии решения о его рождении отмечали почти столь же часто, как в отношении второго ребенка, а мужчины даже несколько чаще. Таким образом, помощь в принятии решения о рождении третьего ребенка отмечалась применительно только к первым годам реализации программы федерально-

го материнского (семейного) капитала и не фиксировалась в период реализации областного материнского (семейного) капитала.

Основные выводы

Результаты исследования показали, что в Тюменской области в молодых поколениях значительно снижается в среднем как желаемое, так и ожидаемое число детей. Одной из причин поколенческих различий в репродуктивных ориентациях может быть то, что в молодых поколениях значимость индивидуализма (свобода и независимость) существенно выше, чем брака и семьи.

Среди помех к рождению желаемого числа детей респонденты чаще всего отмечали неуверенность в завтрашнем дне и материальные трудности. Однако результаты исследования (как и ряда предыдущих) показали, что оценка помех к рождению детей отчасти связана с ценностными ориентациями.

Сильно выраженная обратная связь желаемого и ожидаемого числа детей со среднедушевыми доходами (во многом обусловленная влиянием на них числа имеющихся детей, включаемых в общее число желаемых и ожидаемых) становится значительно меньше при использовании субъективной оценки финансового положения у мужчин и отсутствует у женщин (наименьшие средние желаемое и ожидаемое числа детей при низкой оценке и почти одинаковые при средней и высокой оценке).

В большей степени о наличии прямой связи между оценкой финансового положения и средним ожидаемым числом детей можно говорить в отношении группы респондентов с желаемым числом детей, равным трем. При этом исследование показало, что желаемое число детей в несравненно большей мере детерминирует среднее ожидаемое число детей, чем оценка уровня жизни.

Таким образом, можно говорить о преобладающем влиянии ценностных ориентаций на репродуктивное поведение. Они во многом детерминируют репродуктивные намерения, оказывают существенное воздействие на восприятие тех или иных

жизненных обстоятельств как мешающих или не мешающих рождению желаемого числа детей.

В связи с этим долгосрочное фундаментальное решение демографических проблем в отношении рождаемости, выход на устойчивую положительную демографическую динамику возможны только при существенном повышении значимости семьи и брака, нескольких детей в поколениях, которые будут достигать репродуктивного возраста.

Меры помощи семьям с детьми призваны способствовать более благоприятным

условиям для реализации репродуктивных намерений. Они, безусловно, важны, но их влияние ограничено рамками имеющейся потребности в детях.

То или иное влияние помощи от государства на принятие решения о рождении ребенка отмечалось существенно чаще в отношении вторых рождений. В отношении первого ребенка такая помощь отмечалась только при рождении его в 2020–2022 гг., т. е. когда федеральный материнский (семейный) капитал начали предоставлять при рождении первого ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2021). Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе. Специальный выпуск*. С. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1
- Беляева М.А. (2009). *Культура репродуктивного поведения в контексте междисциплинарного синтеза*. Екатеринбург. 176 с.
- Беляева М.А., Беляева Л.А. (2011). Культурологический анализ репродуктивного поведения человека // *Вопросы культурологии*. № 8. С. 13–17.
- Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Салыхиева Л.М. (2017). Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 192–205. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.13>
- Грудина Т.Н. (2018). Повышение рождаемости и уровня жизни населения в контексте целей устойчивого развития // *Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. статей IX Уральского демографического форума*. Т. I. Екатеринбург. С. 136–142.
- Захарова Е.И. (2015). Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // *Культурно-историческая психология*. Т. 11. № 1. С. 44–49 DOI: 10.17759/chp.2015110106
- Кабашова Е.В. (2021). Уровень жизни населения и демографическое развитие региона // *Вестник евразийской науки*. Т. 13. № 6. DOI: <https://doi.org/10.15862/12ECVN621>
- Калачикова О.Н. (2012). *Регулирование репродуктивного поведения населения: состояние и проблемы: препринт*. Вологда: ИСЭРТ РАН. 129 с.
- Карабчук Т.С., Кечетова А.П. (2017). Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5. С. 251–270. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14>
- Карпова В.М. (2016). Сравнительный анализ ценности детей и семейного образа жизни у малодетных и многодетных семей // *Социология*. № 2. С. 96–107.
- Коротаев А.В., Новиков К.Е., Шульгин С.Г. (2020). Влияние образования на репродуктивное поведение через систему индивидуальных ценностей // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 146–163. DOI: 10.31857/S086904990012118-1
- Котов Д.А., Грек Н.В. (2020). Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3. С. 499–517. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>

- Кучмаева О.В., Золотарева О.А., Гуляев С.Б. (2021). Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник Южно-Российского гос. технич. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. Т. 14. № 2. С. 92–103. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-92-103>
- Ласточкина М.А. (2007). Моделирование репродуктивного поведения населения региона // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 146–153.
- Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П., Архангельский В.Н. (2022). Уровень жизни и рождаемость: взаимосвязь двух неравенств на макро- и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. Т. 15. № 3. С. 38–51. DOI: [10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51)
- Смулянская Н.С. (2017). Классификация регионов России по возрастным моделям рождаемости // Регион: экономика и социология. № 3. С. 146–157. DOI: [10.15372/REG20170307](https://doi.org/10.15372/REG20170307)
- Сукнева С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. (2020). Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: [10.15838/esc.2020.2.68.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13)
- Щепотьева С.В. (2010). Факторы дифференциации репродуктивных установок и рождаемости населения России // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. № 6. С. 56–60.
- Matsaganis M., O'Donoghue C., Levy L. [et al.] (2006). Family transfers and child poverty in Greece, Italy, Spain and Portugal. *Research in Labor Economics*, 25, 101–124. DOI: [10.1016/S0147-9121\(06\)25004-0](https://doi.org/10.1016/S0147-9121(06)25004-0)
- McQuillan J., Greil A.L., Shreffler K.M., Bedrous A.V. (2015). The importance of motherhood and fertility intentions among U.S. Women. *Sociological Perspectives*, 58 (1), 20–35. DOI: [10.1177/0731121414534393](https://doi.org/10.1177/0731121414534393)
- McQuillan J., Greil A.L., Shreffler K.M., Tichenor V. (2008). The importance of motherhood among women in the contemporary United States. *Gender & Society*, 22 (4), 477–496. DOI: [10.1177/0891243208319359](https://doi.org/10.1177/0891243208319359)
- Murtazina L.R., Frolova A.V. (2016). A valuable shift in the reproductive behavior of the provincial population. *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11 (6), 1651–1661.
- Pešić Jenačković D., Marković Krstić S. (2021). Traditional family values as a determinant of the marital and reproductive behaviour of young people: The case of Southern and Eastern Serbia. *Stanovništvo*, 59 (2), 23–41. DOI: [10.2298/STNV210420004P](https://doi.org/10.2298/STNV210420004P)
- Van de Kaa D.J. (2001). Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior. *Population and Development Review*, 27, 290–331.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Николаевич Архангельский – кандидат экономических наук, заведующий сектором, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); руководитель отдела, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82); e-mail: archangelsky@yandex.ru

Алексей Викторович Смирнов – младший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: sofetel@mail.ru)

Arkhangelskii V.N., Smirnov A.V.

INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS AND STANDARD OF LIVING IN THE REGION ON REPRODUCTIVE INTENTIONS (BASED ON THE RESULTS OF THE STUDY IN THE TYUMEN OBLAST)

The article considers the influence of value orientations and standard of living of the population on reproductive intentions according to the data of a sociological survey conducted in 2022 in the Tyumen Oblast (without autonomous districts). The structures of respondents by age groups, education level, marital status and number of children born (by age groups) are close to those obtained from the 2020 census. The Tyumen Oblast is characterized by one of the highest birth rates in Russia, and probably not related to the national peculiarities of the population. The aim of the study is to analyze the determination of reproductive behavior in a region of Russia with a relatively high birth rate. The results of the study showed, that reproductive orientations are significantly lower in younger generations of respondents. Partly, this is probably due to the fact that the importance of individualism is predominant among young people compared to marriage and family. Value orientations not only largely determine reproductive orientations, but also determine how people evaluate certain life circumstances in terms of hindrances to childbirth. Correct study of the relationship between the standard of living and reproductive orientations implies its differentiation by the value of the desired number of children, which affects the expected number of children significantly more, than the standard of living. While in relation to the birth of the second child about half of the respondents noted some influence of state support on the decision to give birth, in relation to the first and third child the share of such respondents is much smaller. However, among those, whose first child was born in 2020–2022 (when the federal maternity (family) capital at the birth of the first child began to be provided), the share of those, who noted one or another impact of assistance from the state, is 60.2% for women and 37.7% for men.

Reproductive behavior, value orientations, standard of living, Tyumen Oblast.

REFERENCES

- Arkhangelskii V.N., Rostovskaya T.K., Vasileva E.N. (2021). Influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: Gender aspect. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. Spetsial'nyi vypusk=Woman in Russian Society. Special Issue*, 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1 (in Russian).
- Belyaeva M.A. (2009). *Kul'tura reproductivnogo povedeniya v kontekste mezhdistitsiplinarnogo sinteza* [Culture of Reproductive Behavior in the Context of Interdisciplinary Synthesis]. Ekaterinburg.
- Belyaeva M.A., Belyaeva L.A. (2011). A cultural analysis of human reproductive behavior. *Voprosy kul'turologii=Issues of Cultural Studies*, 8, 13–17 (in Russian).
- Grudina T.N. (2018). Increase in birth rate and living standard of the population in the context of sustainable development goals. In: *Demograficheskaya i semeinaya politika v kontekste tselei ustoichivogo razvitiya: sb. statei IX Ural'skogo demograficheskogo foruma. T. I* [Demographic and Family Policy in the Context of Sustainable Development Goals: Collection of Articles of the 9th Ural Demographic Forum. VOL. I]. Ekaterinburg.
- Kabashova E.V. (2021). Standard of living of the population and demographic development of the region. *Vestnik evraziiskoi nauki=Eurasian Scientific Journal*, 13(6). DOI: <https://doi.org/10.15862/12ECVN621> (in Russian).
- Kalachikova O.N. (2012). *Regulirovanie reproductivnogo povedeniya naseleniya: sostoyanie i problemy: preprint* [Regulation of Reproductive Behavior of Population: Status and Problems: Preprint]. Vologda: ISEDT RAS.
- Karabchuk T.S., Kechetova A.P. (2017). The number of children and family values: Are there any cohort differences in Europe? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye*

- peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 251–270. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14> (in Russian).
- Karpova V.M. (2016). Comparative analysis of the value of children and family lifestyle in families with few and many children. *Sotsiologiya=Sociology*, 2, 96–107 (in Russian).
- Korotaev A.V., Novikov K.E., Shulgin S.G. (2020). Impact of education on reproductive behavior through individual values. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*, 6, 146–163 DOI: 10.31857/S086904990012118-1 (in Russian).
- Kotov D.A., Grek N.V. (2020). Transformation of reproductive behavior in life strategies of the Russian youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 499–517. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628> (in Russian).
- Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., Gulyaev S.B. (2021). Modern Russian youth: Reproductive intentions and assessment of the possibilities of their implementation. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gos. tekhnicheskogo un-ta. Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki=Bulletin of the SRSTU. Series: Socio-Economic Sciences*, 14(2), 92–103. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-92-103> (in Russian).
- Lastochkina M.A. (2007). Modeling reproductive behavior of the region's population. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 4, 146–153 (in Russian).
- Matsaganis M., O'Donoghue C., Levy L. et al. (2006). Family transfers and child poverty in Greece, Italy, Spain and Portugal. *Research in Labor Economics*, 25, 101–124. DOI: 10.1016/S0147-9121(06)25004-0
- McQuillan J., Greil A.L., Shreffler K.M., Bedrous A.V. (2015). The importance of motherhood and fertility intentions among U.S. women. *Sociological Perspectives*, 58(1), 20–35. DOI: 10.1177/0731121414534393
- McQuillan J., Greil A.L., Shreffler K.M., Tichenor V. (2008). The importance of motherhood among women in the contemporary United States. *Gender & Society*, 22(4), 477–496. DOI: 10.1177/0891243208319359
- Murtazina L.R., Frolova A.V. (2016). A valuable shift in the reproductive behavior of the provincial population. *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11(6), 1651–1661.
- Pešić Jenačković D., Marković Krstić S. (2021). Traditional family values as a determinant of themarital and reproductive behaviour of young people: The case of Southern and Eastern Serbia. *Stanovništvo*, 59(2), 23–41. DOI: 10.2298/STNV210420004P
- Shchepoteva S.V. (2010). Factors of differentiation of reproductive attitudes and fertility of the Russian population. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo=Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 6, 56–60 (in Russian).
- Sivoplyasova S.Yu., Sigareva E.P., Arkhangelskii V.N. (2022). Standard of living and fertility: The relationship of two inequalities at the macro and micro levels. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes & Law*, 15(3), 38–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51 (in Russian).
- Smulyanskaya N.S. (2017). Classification of Russian regions by age-specific natality models. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3, 146–157. DOI: 10.15372/REG20170307 (in Russian).
- Sukneva S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu. (2020). Birth rate, number of children and family income: Trends and relationships. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(2), 201–213. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.13 (in Russian).
- Van de Kaa D.J. (2001). Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior. *Population and Development Review*, 27, 290–331.
- Vildanova S.M., Granichnaya A.A., Mingaliev A.R., Salyakhieva L.M. (2017). A tendency towards childfree lifestyle in Russia and its influence on the crisis of the institution of family. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 192–205. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.13> (in Russian).

Zakharova E.I. (2015). Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya=Cultural-Historical Psychology*, 11(1), 44–49 DOI: 10.17759/chp.2015110106 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Arkhangelskii – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Sector, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation); Head of Department, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation); e-mail: archangelsky@yandex.ru

Aleksei V. Smirnov – Junior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); e-mail: sofetel@mail.ru)